

большинство из них (92, или 98%) образованы от белорусского слова. В том же Витебском районе есть ойконимы *Кавалёва* (2 нас. пункта) и *Кавалькі*.

Очевидно, не без посредства русского языка появились названия *Львічоўка* (до 1964 – *Старабабылле*, Витебский р-н), *Ульянаўка* (до 1964 – *Аўгустберг*, Сенненский р-н), *Ульянавічы* (Бешенковичский и Чашникский р-ны). Последние ойконимы по внешней форме не отличаются от структурно похожих названий, но семантически восходят не к белорусским антропонимам, а указывают на отчество и настоящую фамилию В.И. Ленина.

Литература

1. Лемцюгова, В.П. Роздум над лёсам і правапісам беларускіх геаграфічных назваў / В.П. Лемцюгова // Звязда. – 2002. – 3 красавіка.
2. Рубцова, З.В. Варьирование и норма в белорусской и русской топонимии: Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени канд. филол. наук / З.В. Рубцова. – Москва, 1993. – 84 с.
3. Грынблат, М.Я. Беларуская-латышскія сувязі ў тапаніміі і антрапаніміі БССР / М.Я. Грынблат // Беларуская аанамастыка. – Мн.: Навука і тэхніка, 1977. – С. 43 – 63.
4. Топоров, В.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В.Н. Топоров, О.Н. Трубочев. – Москва: Наука, 1972.
5. См.: Григорьева, Л.Н. Ойконимия белорусского Подвинья: дис. ... канд. филол. наук / Л.Н. Григорьева. – Минск, 1978.
6. Грыгор'ева, Л.М. Аіконімы гідранімічнага паходжання басейна Заходняй Дзвіны (у межах Беларусі) / Л.М. Грыгор'ева // Беларуская аанамастыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1997; Катонава, Е.М. Об этническом источнике некоторых гидронимов бассейна Западной Двины на территории Белоруссии / Е.М. Катонава // IV республіканьска аномастычна канферэнцыя (Тезі). – Кііў, 1969; Катонава, А.М. Аб паходжанні некаторых гідронімаў басейна Заходняй Дзвіны на тэрыторыі Беларусі // А.М. Катонава // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, серыя IV, 1971, №1 и др.

Е.Н. Горегляд (Витебск)

ГЛАГОЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ СУГГЕСТИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА В БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Одним из центральных понятий лингвистической прагматики является «речевой акт» – произнесение говорящим высказывания, адресованного слушающему при определенных обстоятельствах и с конкретной целью. В процессе речевого акта говорящий (субъект высказывания, адресант) оказывает влияние на слушающего (реципиента, адресата) с целью воздействия на его поступки, мысли, воззрения, психическое состояние, побуждает к совершению неких действий и т.п.

Сформулировав понятие речевого акта, Дж. Остин выделил в нем три уровня:

- 1) локутивный – собственно говорение чего-либо; включает фонетический акт (произнесение определенных звуков), фатический акт (произнесение последовательности слов на понятном слушателю языке и объединение этих слов в предложения в соответствии с грамматикой данного языка) и ретический акт (наделение высказывания смыслом, соотнесение с конкретным референтом);
- 2) иллокутивный – говорение, характеризующееся целенаправленностью и конвенциональностью;
- 3) перлокутивный – достижение в процессе говорения определенных результатов, изменений в сознании собеседника (причем полученный результат речевого действия может соответствовать или не соответствовать целевой установке говорящего).

Вслед за Дж. Серлем традиционно выделяют пять основных видов речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации (у Дж. Остина – экзерситивы и вердиктивы) [6]. В современном языкознании существуют и другие классификации, включающие, кроме названных, иные типы иллокутивных актов [1; 3; 4; 5 и др.].

Директивные речевые акты представляют собой акты побуждения адресата речи к действию и – шире – влияния на «положение дел» и подразделяются на три прагматических типа: прескриптивные, реквестивные и суггестивные [2, с. 20]. К суггестивным директивным речевым актам относятся совет, предложение и предупреждение (Дж. Остин рассматривал совет в группе экзерситивов). Приоритетная позиция в суггестивном речевом акте принадлежит говорящему как обладающему определенным (более высоким или более значимым) социальным статусом. Адресант уверен, что действует в интересах собеседника, и потому считает себя вправе влиять на его мысли и поступки. Однако адресат в суггестивном речевом акте не пассивен, т.к. именно он определяет уровень «обязательности» осуществления соответствующего действия и принимает решение о его выполнении / невыполнении.

В белорусском и русском языках в рамках лексико-семантической группы глаголов речи особое место занимают лексемы, непосредственно выражающие иллокутивную функцию высказывания – перформативные глаголы речи (глаголы-действия, глаголы-поступки). Иными словами, такие глаголы содержат в своей семантической структуре компонент, указывающий на цель говорения и условия реализации речевого действия: *обещать, угрожать, поздравлять, объявлять* и т.д. Перформативными являются почти все глагольные лексемы, маркирующие суггестивный речевой акт.

Совет – прагматический вариант суггестивного директивного речевого акта, при котором субъект речи побуждает собеседника к рациональному, по его мнению, для адресата действию (адресат, в свою очередь, волен не выполнять рекомендации адресанта).

Глаголы речи со значением «побуждение в форме совета» (глаголы-адвизивы) в белорусском и русском языках могут рассматриваться как прагматические эквиваленты с функциональной и семантической точки зрения.

Доминантами синонимического ряда со значением «побуждение в форме совета» в белорусском и русском языках являются глаголы *раіць – радзіць / советовать*. Компоненты ряда не содержат значения императивности в чистом виде; их семантику можно классифицировать как императивно-экспрессивную. С этой точки зрения выделяется синонимический ряд глаголов речи с позитивной императивностью и ряд глаголов с негативной императивностью.

Позитивная императивность свойственна глаголам *раіць – радзіць / советовать – рекомендовать* и глагольной перифразе *даваць параду / давать совет*. Они идентифицируются значением «давать наставление, указание, предложить, как поступить». Конкретность действия (поступка) включает в себе объектный инфинитив: *Урач параіў мне змяніць клімат. / Врач посоветовал мне сменить климат*. Эти же глаголы в сочетании с отрицательной частицей *не / не* приобретают оттенок предостережения: *Урач не рэкамендаваў мне гэту працэдуру. / Врач не рекомендовал мне эту процедуру*. Оба глагола имеют возвратную форму: *раіцца – радзіцца – рэкамендавацца / советоваться – рекомендоваться*. Однако в этом случае они не обладают семантикой побуждения.

Глаголов-адвизивов с негативной семантикой в белорусском и русском языках значительно больше. Все они объединяются значением «склонять уговорами к какому-либо поступку (предосудительному, неблагоприятному, недозволенному)». Такие глаголы обозначают действие, призванное воздействовать на ход мыслей реципиента или на характер его чувств. Образование глаголов с негативной семантикой – довольно активный процесс. Большинство лексем имеет разговорную окраску: *падгаворваць – падбухторваць – падвучваць – падбіваць – падахвоцваць – пад'юджваць – нацкоўваць / подговаривать – подстрекать – подучивать – подбивать – подзадоривать – подзуживать – подначивать – натравливать – науськивать*. Данный синонимический ряд имеет сходство в морфологическом оформлении: в него входят приставочные глаголы. Наиболее продуктивна приставка *пад- / под-*, несколько реже встречается *на- / на-*.

Глаголы речи, маркирующие суггестивный акт *предложения* (глаголы-пропозиции), идентифицируются значением «предлагать кому-либо сделать что-либо»: *прапаноўваць – запрашаць – прасіць – выклікаць – вызываць / предлагать – просить – приглашать – звать – вызывать*. При этом действие, к которому побуждается адресат, часто связано с передвижением в пространстве, а речевой глагол требует наличия инфинитива со значением передвижения: *Мяне прасілі прыйсці на сход. / Меня просили прийти на собрание*.

Русский глагол *звать* обладает разветвленной системой значений. Кроме обозначенной выше, *звать* имеет еще одну императивную сему – «побуждать посредством речи (или жестов, мимики) к осуществлению движения или к его прекращению». В белорусском языке аналогичное значение идентифицирует глагол *зубаць*. В этом случае образуется синонимический ряд *падзваць – склікаць – зываць – аклікаць / подзывать – сзывать (созывать) – скликать – окликать*. Действие глаголов *падзваць / подзывать* и *аклікаць / окликать* может быть направлено как на одно лицо, так и на ряд лиц. Глаголы *зываць – склікаць / сзывать (созывать) – скликать* имеют значение «звать многих»: *зываць сяброў на свята / сзывать друзей на праздник*. Подобные лексемы составляют периферию группы суггестивов.

Сравнение суггестивных речевых актов совета и предложения показывает, что их действенность напрямую зависит от статуса коммуникантов: при более низком статусе говорящего по отношению к собеседнику результативность речевого акта совета будет невысокой (или сведена к нулю), а речевой акт предложения может быть эффективен. Глаголы, оформляющие речевые акты совета и предложения, в большинстве являются перформативно слабыми, они лишь маркируют намерение говорящего (зачастую выраженное инфинитивом), а действия, обозначенные ими, не влекут за собой последствий в рамках данной коммуникативной ситуации.

В суггестивном речевом акте *предупреждения*, как и в речевом акте совета, адресант занимает ведущую позицию. Однако в данном случае говорящий действует в интересах собеседника, предостерегая того от возможных последствий (негативных в подавляющем большинстве случаев) невыполнения соответствующего действия. Но и в этой ситуации решение о выполнении действия остается за адресатом.

Глаголы речи с семантикой побуждения в форме предупреждения близки по значению к составляющим синонимического ряда с доминирующим словом *раіць – радзіць / советовать*. Значение «побудить не делать чего-либо» свойственно перформативным глаголам-синонимам *папярэдзіць – перасцерагчы / предупредить – предостеречь*. Базовая лексема *папярэдзіць / предупредить* имеет еще одно речевое значение – «заранее поставить в известность о чем-либо». В этом случае *папярэдзіць / предупредить* синонимичен глаголам *наведаміць / уведомить – осведомить* и не маркирует директивный речевой акт. С глаголом *перасцерагчы / предостеречь* их объединяет наличие в семантической структуре значения упреждения по отношению к действию, которое может совершить собеседник. Такая же семантика свойственна русским лексемам *предуведомить* и *предварить* (обе – устар., кн.), что объясняется наличием в морфемной структуре глаголов приставки *пред-* (*предо-*), имеющей значение заблаговременности действия: *Меня предуведомили о необходимости встретить делегацию*. Все компоненты синонимического ряда с доминантой *папярэдзіць / предупредить* (кроме самой доминанты и *перасцерагчы / предостеречь*) стилистически маркированы, поэтому их употребление в речи ограничено.

Степень императивности в суггестивных речевых актах может быть разной – от близкой к нулю до достаточно высокой, что зависит от целеустановки говорящего и уровня его отношений с собеседником.

Літэратура

1. Арутюнова, Н.Д. Речевой акт / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 412 – 414.
2. Беляева, Е.И. Модальность и неграмматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке/Е.И. Беляева. – Воронеж, 1988. – 120 с.
3. Богданов, В.В. Классификация речевых актов / В.В. Богданов // Личностные аспекты языкового общения: Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1989. – С. 25 – 37.
4. Добрушина, Е.Р. Способы выражения верификации в современной русской диалогической речи / Е.Р. Добрушина // Синтаксис. Изучение и преподавание. Сборник работ учеников В.А. Белошапковой. – М.: Диалог. – МГУ, 1997. – С. 196–210.
5. Падучева, Е.В. Семантические исследования / Е.В. Падучева. – М.: Шк. Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
6. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике (Теория речевых актов). – М., 1986. – С. 170 – 195.
7. Сусов, И.П. Прагматическая структура высказывания / И.П. Сусов // Языковое общение и его единицы: Межвузовский сборник научных трудов. – Калинин: КГУ, 1986. – С. 4 – 18.

Т.А. Грачыха (Віцебск)

НАМІНАЦЫІ ІХТЫЯФАЎНЫ БЕЛАРУСКІХ ГАВОРАК НА ІНШАСЛАВЯНСКІМ ФОНЕ

Намінацыі іхтыяфаўны ўваходзяць у склад заалагічнай лексікі, складаюць старажытны пласт слоўнікавага складу беларускай мовы. Народныя гаворкі ў абазначэнні відаў фаўны рыб вызначаюцца шырокай полінайменнасцю, ім вядомы як навуковыя намінацыі, так і шматлікія дыялектныя іхтыялагічныя адпаведнікі. У беларускіх гаворках назвы найбольш значных відаў рыб супадаюць з вядомымі беларускімі найменьнямі агульнаславянскага паходжання, напрыклад, *язь, карась, лінь, плотка, акунь* і інш. Аднак узаемадзейне гаворак паміж сабой і з літаратурнай мовай, запазычванне з суседніх гаворак і моў прыводзяць да ўзнікнення лексічных пранікненняў на тэрыторыю Беларусі. Напрыклад, рускамоўны ўплыў назіраецца ў намінацыях *налім, быстранка, падкаменшчык*, уплыў польскай мовы адзначаецца ў словах *стронга, мянтуз, сялява, вэнгош* і інш. У назвах рыб прасочваюцца старажытныя славянскія сувязі, на што ўказваюць іхтыялагічныя адпаведнікі ў беларускай мове, яе гаворках і ў іншых славянскіх мовах. Звернемся да разгляду беларуска-іншаславянскіх намінацый некаторых прадстаўнікоў фаўны рыб.

Усім вядомы такі від іхтыяфаўны, як *шчупак* (рус. *щука*). Паводле дыялекталагічных даследаванняў самай пашыранай на Беларусі з’яўляецца назва *шчупак*, асабліва ў заходняй яе частцы. Рускі адпаведнік *щука* таксама агульнавядомы, але пераважна ва ўсходняй зоне, можа выкарыстоўвацца для абазначэння самкі [6, с. 78 – 79; 10, с. 320]. Параўнайце польскія адпаведнікі *szczupak, szczubel, szczuka* [16, с. 9 – 10]. Назва *шчупак* лічыцца агульнапрынятай у польскай мове, сустракаецца на Украіне і на Смаленшчыне [10, с. 97]. Паводле В.Ц. Каламіец, найменне *щука* вядомае ва ўсіх славянскіх мовах [8, с. 94].

Адзінкавыя назвы *апралёўка, марцёўка*, дадзеныя шчупаку ў залежнасці ад часу нерасту, адзначаны ў Полацкім, Глыбоцкім раёнах [3, с. 23; 6, с. 79]. Адпаведнікі *мартовка, апрэлька* выяўлены ва Украінскім Палессі [4, с. 8]. Намінацыі *жыгёлка (жыгёлка)* адзначаны ў Пастаўскім раёне [3, с. 23], *жагёўка (жагаўка)* ‘навялікі шчупак’ – на Гомельшчыне [6, с. 79]; параўн. ўкраінскае палескае *жагёвка* ‘малады шчупак’ [4, с. 8].

Такія найменні, як *шчуронак, шчурата* ‘памянш. да шчупака’, засведчаны ў Верхнядзвінскім і Глыбоцкім раёнах [3, с. 23]. На Смаленшчыне адзначана назва